

Виктор Топоров

ДАР АДЕКВАТНОСТИ

Даниил Гранин и его заслуги перед Отечеством

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ленинградско-петербургского писателя Даниила Александровича Гранина отпраздновали со скромным достоинством. Без помпезной роскоши соженищевского или мхатовского юбилеев, но и без конфузов, которыми сопровождался оба. Без искреннего душевного тепла, присущего бытию Александра Володина, без явно загнутого «Звезды», приуроченного на этот раз к семидесятилетнему славному развее что ждановским постановлением журнала. Но и без запоздало-натужных восторгов, адресованных также достигшему восьмидесятилетнего рубежа режиссеру Юрию Любимову. Все было тихо, пристойно, стильно, и разве что правительственная награда — орден «За заслуги перед Отечеством» третьей степени — несколько выбивалась из общего ряда невольной каламбурностью: заслуги третьей степени? Или, страшно подумать, Отечество третьей степени? Впрочем, и то и другое, при всей скандальности подобных посылов, не лишено определенных оснований, так что, может быть, кремлевские грамотей, изобретшие орден с таким названием и номенклатурой, вовсе не такие грамотеи, какими кажутся...

Член президентского совета (сперва при Горбачеве, потом при Ельцине) Даниил Гранин однажды, отвечая на вопрос, что он там, во власти, поделяется, сказал примерно следующее: надо же Борису Николаевичу общаться с простыми людьми — вот он с ними в моем лице и общается. Но, разумеется, Гранин далеко не прост. Из Москвы этого, не исключено, и не видно, особенно в последние годы (хотя писатель задумано бодр, деятелен и творчески активен для своих лет), а вот в Питере... в Питере Гранина, скорее, демонизируют, приписывая ему невероятное могущество и (по-моему, совершенно обоснованно) редкую злокозненность. Или, выразимся помягче, злопыхательность и метельность. Причем такое положение сложилось не сегодня и даже не вчера, а долгие десятилетия назад. Мнение Гранина, внимание Гранина, действие или противодействие Гранина — всему этому придавалось и придается едва ли не во всех случаях решающее значение.

С пресловутой (и мнимой) гранинской метельностью связан и такой эпизод из моего личного опыта. В 1991 году цикл литературных радиопередач, я посвятив одну из них уничижительному разбору последней на тот момент из гранинских повестей (а повесть и впрямь была с душком — не повесть, а запоздалый памфлет против первого секретаря обкома КПСС Романова). Передача вызвала шум — и добрые знакомые совершенно неожиданно предложили мне охрану. Потому что «Гранин этого так не оставит». От охраны я, естественно, отказался и, как выяснилось, жив до сих пор — но само по себе это предложение достаточно показательно. Меж тем в передаче я и впрямь сказал обидные вещи: советская власть и советская литература «скованы одной цепью», и если уж уходить им, то вместе, дружно взявшись за руки, а не предьявляя друг другу сварливого счета... Было это восемь лет назад, в оптимистическую пору поздней перестройки, — и предвидеть, что ни та ни другая никуда от нас не денутся, а лишь утвердятся в новых обстоятельствах и в слегка обновленном качестве, я, увы, не мог.

Что-то — на городском уровне — раздалось и с гранинским всемогуществом. Последний известный мне эпизод относится к весне 1998 года — но едва ли с тех пор что-то изменилось, а если и да, то в откровенно нежелательную сторону. Тогда Союз писателей России (патриотический или, в других оценках, черносотенный) решил провести выездной пленум в Петербурге. Подобный пленум — мероприятие запойное и, соответственно, затратное, а тут

губернатор Яковлев пообещал взять на себя основную часть расходов! Тогда как в демократическом (в других оценках, еврейском) Союзе писателей Санкт-Петербурга за неимением средств и помощью даже единственная библиотечка сидит на подставке! Гранин отправился к губернатору с вежливым, но настойчивым протестом — и потерпел фиаско. А вместе с ним — и вся демократическая писательская организация, потому что и теперь — в свои восемьдесят — Гранин остается ее единственной боеголовкой.

Даниил Гранин прожил, несомненно, достойную жизнь. Фронтовик. Инженер. Автор сразу же прогрессивных на всю страну «инженерских» романов (злые языки утверждали, будто гранинский бестселлер «Иду на грозу» списан у забытого ныне Митчела Уилсона с романа «Живи с молнией», но речь должна идти, скорее, об освоении метода, как позднее другой питерский писатель Илья Штемлер освоил метод Артура Хэйли). Писатель-функционер, сопредседатель — наравне с Михаилом Дудиным — правления Ленинградского союза писателей.

Этого поста Гранин лишился, заколебавшись (сперва воздержавшись, а потом отозвав свое «воздержание») при исключении из Союза писателей Александра Солженицына. Забавно, что вместе с Граниным пострадал тогда и Михаил Дудин — печальная рифма к заключительным эпизодам соженищевского романа «В круге первом», где, сузив круг подозреваемых до двух человек, «берут» обоих. И не стоит с позиций сегодняшнего дня иронизировать над тогдашними гранинскими колебаниями: во всем секретариате он заколебался единственный. Утратив официальную власть над писательскими судьбами (частично утратив, ведь он оставался членом всевозможных секретариатов), Гранин сохранил и даже упрочил власть неформальную. Но употреблял ее неизменно осторожно и, надо полагать, в соответствии с собственными убеждениями.

И все же я слышал о Гранине: «Страшный человек». Слышал, что характерно и любопытно, все не от его врагов или хотя бы тайных недоброжелателей, а от верных и искренне преданных гранинских вассалов. Меня это, впрочем, скорее привлекало: «страшные люди» далеко не обязательно талантливы, но талантливые — непременно «страшны».

А талантлив ли Даниил Гранин? Страшный вопрос, казалось бы, но далеко не праздный. То есть по-человечески он, разумеется, талантлив — иначе откуда бы взялся успех, в том числе и литературному успеху? Но талантлив ли Гранин как писатель? Да, конечно, его читали миллионы — но сегодня, когда можно читать то, что нравится на самом деле, те же миллионы голосуют чуть ли не последним рублем за Дашкову и Маринину, Доценко и Абдулласва. За заведомо бездарных халтурщиков, пишущих под коллективным псевдонимом Фридрих Незнанский. И это — необходимо подчеркнуть — те же самые миллионы ИТР или бывших ИТР, которые некогда составляли читательский контингент певича ИТР Даниила Гранина. Сегодняшнего Гранина (как, впрочем, и сегодня — вчерашнего) читать, разумеется, невозможно, о ком бы он ни писал: об американских физиках-перевальщиках или о Петре Великом, — но это, конечно же, ничего не доказывает; сегодня невозможно читать, допустим, и Евтушенко с Вознесенским, а ведь яркой, праздничной талантливости ни тому, ни другому это не убавляет.

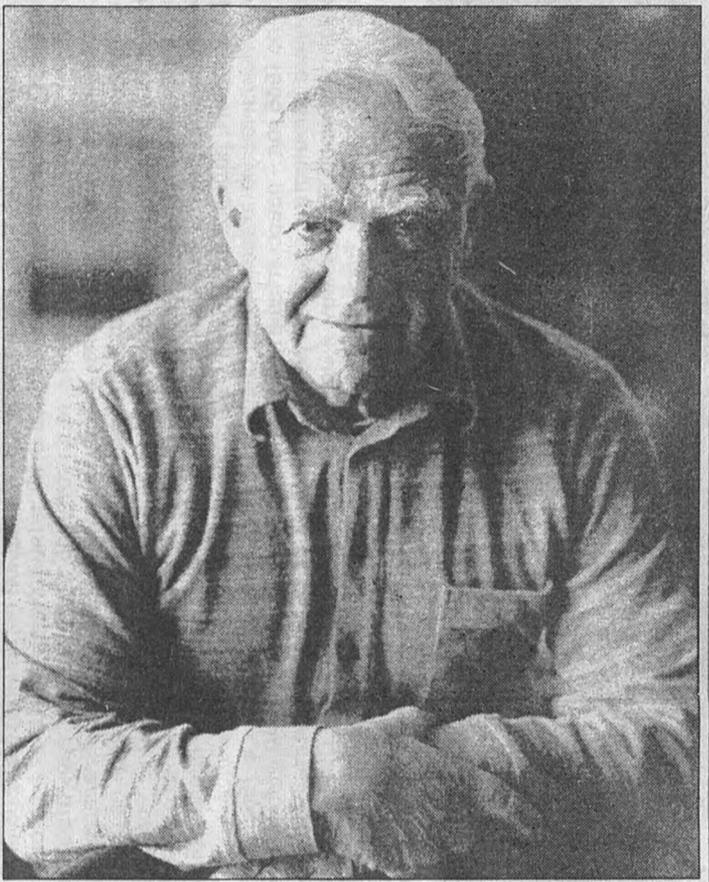
Гранин безусловно талантлив как очеркист. Портретист. Мемуарист. О публицистике говорить сложнее — слишком уж он осторо-

жен, — но и такие перлы, как «великий город с областной судьбой», у бездарных публицистов с пера не срываются. Но талантлив ли Гранин как прозаик? Прозаик ли он вообще? И если все-таки да, то прозаик по призванию или по неволе? Или по случайному стечению жизненных обстоятельств?

Прозанки делятся на тех, кто пишет прозу, и тех, кто пишет прозой. Гранин, конечно же, из вторых. На художественную прозу его суконый язык, упрощенные психологические характеристики, заумно линейная композиция никак не тянут. Несколько оживляется Гранин при описании пейзажа и воссоздании любовных сцен — но уж лучше бы не оживлялся! Вместо магического кристалла он пользуется простым стеклом — когда тщательно протертым, когда запыленным, когда

Интересно было и другое: начисто забытый и несомненно опальный Дудинцев — и широкопопулярный, увешенный всеми советскими регалиями, как елка на обкомовской даче, Гранин встретили перестройку совершенно одинаковыми выбросами полузаконного вольнодумства: «Софью Власьевну», как вдруг выяснилось, оба ненавидели в равной мере. Но все же стилистическое сходство оказалось еще разительней.

Художественность была в рамках отечественной словесности уделом сперва «молодежников» шестидесятых, потом — «деревенщиков» и «лейтенантов», потом — Юрия Трифонова, а вслед за ним — «московских сорокалетних». Даниил Гранин ни в одну из этих формаций не вписывался, но и к более или менее героическим одиночкам, вроде Валентина Катаева

Даниил Гранин. 1999 год. Фото ИТАР-ТАСС

совсем мутным, но сама природа этого материала — природа обыкновенного стекла — сомнений не вызывает. Персонажи его прозы бывают узнаваемы — но это узнаваемость второго порядка: они всегда на кого-то похожи. В биографической прозе, будем налегать, на прототип; в прозе про физиков — на героев Митчела Уилсона и (хоть и пытается посягать на психологические высоты Джона Ле Карре) покойного Владимира Дудинцева.

В годы ранней перестройки имела место забавная рокировка. Во всех московских редакциях не распалившиеся еще демократы «завернули» роман Дудинцева «Белые одежды» — и напечатал его (предварительно «пробив», то есть преодолев нешуточное сопротивление «органов») редактор питерской «Невы» Борис Никольский, в котором на вчерашних партийных дрожжах бурно забродило чувство протеста.

А прославленный питерский писатель Гранин сдал своего «Зубра» вовсе не в фирменную «Неву», что было бы только естественно, но в куда более престижный (на тот момент) «Новый мир». Самое же забавное заключалось в другом: вышедшие практически одновременно встреченные романы «Зубр» и «Белые одежды» были, казалось, написаны одной рукой! Крепкой, по-прежнему крепкой рукой среднего советского беллетриста.

или Андрея Битова, приравнять его было невозможно. Генетически — да и фактически — проза Гранина проходила по разряду «секретарской» (она же «генеральская»), выделяясь на этом фоне вовсе не стилистическими изысками и даже не «фигой в кармане» (в тех ателье, куда был вхож писатель, карманы шили на всякий случай с большим запасом), а лишь — похвальной, правда, — умеренностью и аккуратностью, то есть чувствовалось, что Гранин — человек далеко не дремучий, далеко не столь дремучий, каким ему положено быть по рангу, но в то же самое время и не лживый, а только осторожный. Ну, выпала человеку судьба секретарствовать — в самом широком смысле — в литературе, вот он и секретарствует. Выпала судьба писать прозу — вот он и пишет.

Художественная проза как жанр подразумевала и гарантировала куда более высокий уровень свободы, чем документалистика, по праву слышавшая псевдодокументалистикой, чем очеркистика, не говоря уж о публицистике. Когда Гранин (на пару с Алексеем Адамовичем) попробовал набрать тот же уровень свободы в как бы документальной «Блокадной книге», произошел конфуз. Причем конфуз двойной: книга не понравилась властям своей якобы непопустимой откровенностью и оттолкнула немногих увлеченных блокадников заведомой — а для них и кощунственной — неправдой. Сов-

сем недавно энтузиасты как раз сейчас создаваемого Музея блокады Ленинграда столкнулись с поразившим их фактом: с великим трудом выпросив у Гранина подготовительные материалы к «Блокадной книге» и возрадовавшись этому дару, молодые учредители музея получили псевную отповедь от старых блокадников: этого добра нам не надо! Причем не вызывает сомнений и такое: Гранин писал «Блокадную книгу», руководствуясь лучшими побуждениями, причем ему явно хотелось произнести или самое меньшее обозначить и запрещенную, затабуированную правду, — а получилась все равно в лучшем случае четвертьправда, воспринимаемая самими блокадниками как приукрашивающая ложь... Разумеется, создатель художественных произведений от таких недоразумений по большому счету застрахован, причем независимо от меры художественности, ему отпущенной...

Невысокий — на уровне хрущоб — потолок гранинской художественности обозначился в романе «Иду на грозу» и получил подтверждение в лучшем из познаний — перестроечных — романах писателя. Речь о романе «Картина» — бесхитростно рассказанной истории внезапно и отнюдь не прозревшего партфункционера средней руки, за это (а также за роман с дамочкой, обеспечившей превращение Савла в Павла) по карьерной линии поплатившегося. Появились в романе «Картина» неформальные художники и прочие музейщики, из щелей потянуло ладаном... Сам писатель не то чтобы прозрел (думается, он все прекрасно понимал и раньше), но — без восторга, однако с осторожной симпатией — обозначил собственную готовность к переменам — к тем самым переменам, против которых предостерегает старинное китайское проклятие...

Новый уровень — не художественности, тут она как раз низка, а готовности к переменам — был продемонстрирован в знаменитом «Зубре». Солженищевская мысль о том, что изменники родины вовсе не изменяют родине, а напротив, она изменяет им сама, была с чуткой открытостью в сторону Запада проинтерпретирована на примере Тимофеева-Ресовского — одного из основоположников гитлеровской, а затем и сталинской геноцидной инженерии... Запад оценил. Открытость писателя открыл прежде всего институт «Открытое общество», одним из распорядителей нешуточных фондов которого вскоре назначили не столько рестроинженера, сколько настроившегося на новую волну писателя, что пришло как нельзя кстати. Тем более что членство в президентском совете прямых материальных выгод не сулит.

Были люди талантливые — и мы их знаем. Были люди ярче — мы их знаем тоже. Были люди смелее — пока не расплескали былую смелость в добровольно-восторженном служении властям предержащим. Но, окидывая мысленным взором жизненный путь первых, вторых и третьих (а также четвертых, пятых и т. д.) и сравнивая его с публичным поприщем Даниила Гранина (именно с публичным, потому что чужая душа потемки; писателям положено раскрываться в творчестве, но Гранин никогда не раскрывается — и, не исключено, как раз поэтому он и не совсем писатель), начинаешь понимать подлинный дар этого властного, самолюбивого и, разумеется, далеко не бесталанного человека — дар адекватности. Адекватности внешним обстоятельствам, жизненным и литературным. Адекватности застою и адекватности переменам. Адекватности властям любого пошиба и розлива. Адекватности массовому читателю — пока таковой у него имелся. Адекватности успеху и даже адекватности сегодняшнему респектабельному забвению. Адекватности недавней награде во всей ее амфиболически-амбивалентном звучании: орден за заслуги перед Отечеством третьей степени.